

К.И. Алексеев

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РЕАЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ЭСТАФЕТ

Проблема реальности в психологии

В психологической науке в качестве непосредственно наблюдаемого явления выступает поведение человека, в том числе речевое — непосредственному восприятию доступно только то, что человек делает и что он говорит. Соответственно, возникает вопрос: каковы механизмы поведения человека, какого рода реальность вызывает к жизни наблюдаемое поведение? Один из ответов на этот вопрос — поведение человека определяется некоторыми его внутренними состояниями: восприятиями, чувствами, мыслями, намерениями, явлениями памяти, внимания, воображения и т.п. Такие внутренние состояния в совокупности именуется психическими явлениями. Психические явления представляют собой непосредственную данность для каждого человека, и вместе с тем они принципиально недоступны для внешнего наблюдения — т.е. единственным источником данных о психических явлениях и состояниях человека является его самоотчет. Поэтому проблему реальности в психологии можно сформулировать следующим образом: является ли психика причиной наблюдаемого поведения, т.е. оправдано ли постулировать существование особой психической реальности, вызывающей к жизни наблюдаемое поведение?

Вопрос о реальности психических явлений для психологической науки является частным случаем вопроса о реальности ненаблюдаемых объектов и сущностей, который возникает в любой науке. Согласно Я. Хакингу, два противоположных ответа на этот вопрос обозначаются как реализм и антиреализм:

Научный реализм утверждает, что объекты, состояния и процессы, описываемые правильными теориями, существуют на самом деле. Протоны, фотоны, силовые поля, черные дыры так же реальны, как ногти на ноге, турбины, вихри в потоке и вулканы. ... Антиреализм утверждает обратное: электронов как вещей не существует. Конечно, существуют явления электричества и наследственности, но мы строим теории о состояниях, процессах и объектах микромира только для того, чтобы предсказать или вызвать события, которые нас интересуют. Электроны — фикция. Теории, которые их описывают, служат лишь инструментами мысли.¹

В настоящей статье мы рассмотрим реализацию традиций реализма и антиреализма в психологии, а затем предложим вариант реалистского решения проблемы реальности, основанный на теории социальных эстафет М.А. Розова и не предполагающий постулирование психической реальности как причины наблюдаемого поведения. В заключение мы рассмотрим вопрос: зачем нужна психика, если она не является причиной поведения?

Реализм и антиреализм в психологии

Согласно традиции реализма, психические явления реально существуют и представляют собой особую, психическую, реальность — и именно эта реальность и изучается в психологии. Традиция реализма в психологии существует с самого начала существования психологии как самостоятельной науки, которая возникла как наука о сознании (традиционно датой рождения психологии считается 1879 год, когда Вильгельм Вундт открыл в Лейпциге первую психологическую лабораторию и положил начало экспериментальному изучению сознания). В рамках классической психологии сознания психические явления изучаются сами по себе — но в

- Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 03-03-00571а) ¹ Хакинг Я. Представление и вмешательство. М., 1998. С. 35.

других направлениях психологии, развившихся после классической психологии сознания, психические явления наделяются функцией управления поведением человека. В основном такие образцы реалистского решения проблемы реальности психических явлений характерны для отечественной психологии. Вот характерные примеры определения предмета психологии с реалистских позиций:

Психология — наука о фактах, закономерностях и механизмах психики как складывающегося в мозгу образа действительности, на основе и при помощи которого осуществляется управление поведением и деятельностью, имеющей у человека личный характер. (Курсив мой. — К.А.)²

Что же является предметом изучения психологии? Прежде всего психика человека и животных, включающая в себя многие субъективные явления. С помощью одних, таких, например, как ощущения и восприятие, внимание и память, воображение, мышление и речь, человек познает мир. Поэтому их часто называют познавательными процессами. Другие явления регулируют его общение с людьми, непосредственно управляют действиями и поступками. Их называют психическими свойствами и состояниями личности, включают в их число потребности, мотивы, цели, интересы, волю, чувства и эмоции, склонности и способности, знание и сознание. Кроме того, психология изучает человеческое общение и поведение, их зависимость от психических явлений и, в свою очередь, зависимость формирования и развития психических явлений от них. (Курсив мой. — К.А.)³

В контексте рассмотрения проблемы реальности в психологии в этих примерах важно подчеркнуть следующее: психика управляет поведением, является его причиной. Именно это дает основание утверждать, что такая позиция является реализацией традиции реализма в решении проблемы реальности психики.

Традиция антиреализма в психологии берет свое начало от бихевиоризма — который утверждает, что психические явления не существуют как объект изучения психологической науки, которым может быть только поведение. Тем самым психические явления оказываются существующими только в обыденной жизни, но не как реальность, изучаемая в рамках психологической науки. Соответственно, для объяснения непосредственно наблюдаемого поведения в рамках бихевиоризма психические явления и сущности не привлекаются. Вот как об этом говорил Б.Ф. Скиннер:

Я определяю теорию как попытку объяснить поведение в терминах чего-то, происходящего в другой вселенной, такой как разум или нервная система. Я не верю, что теории такого рода существенны или полезны. Кроме того, они опасны; они служат причиной для беспокойства. Но я предпочитаю всеобъемлющую теорию поведения человека, которая объединит множество фактов и выразит их наиболее общим образом. Теории такого рода я был бы очень заинтересован содействовать, и я считаю себя теоретиком

Согласно Скиннеру, человек не является автономным существом, т.е. его поведение определяется не внутренними факторами (например, мотивами или чертами личности), а особенностями окружения и ситуации:

Автономный человек служит для того, чтобы объяснить только то, что мы не можем объяснить другим образом. Его существование зависит от нашего невежества, и он естественно теряет свою автономность по мере того, как мы все больше узнаем о поведении... Нет нужды открывать для себя, что на самом деле представляет собой личность, состояние ума, чувства, черты характера, планы, цели, намерения или

¹ Общая психология / Под ред. АН Петровского. М, 1977. С. 20.

Немов Р.С. Психологии Кн. 1. М., 1994. С. 8.

• ⁴ Цит по: Хьезя Д., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 2001. С. 334-335,

что-то другое, характеризующее автономного человека, для того чтобы продвинуться в научном анализе поведения.⁵

В дальнейшем образцы антиреалистского решения вопроса о психической реальности реализуются в необиоциоризме и когнитивной психологии — в которых вводятся представления о "промежуточных переменных" между стимулом и вызываемой им реакцией. Однако эти "промежуточные переменные" не признаются реально существующими, т.е. не наделяются онтологическим статусом. "Промежуточные переменные" не объясняют поведение человека, а лишь позволяют его описывать. Приведем здесь соответствующие примеры.

В когнитивной психологии Р. Солсо характеризует используемые для объяснения эмпирических данных когнитивные модели следующим образом:

Мы определим когнитивную модель как метафору, основанную на наблюдениях и выводах, сделанных из этих наблюдений, и описывающих, как обнаруживается, хранится и используется информация.⁶

Р. Солсо как бы предостерегает: то, что утверждается в модели (например, что действительно существуют определенные блоки, в которых действительно осуществляется та или иная переработка информации), не следует понимать буквально, на самом деле это не так, таких блоков не существует. Чуть далее, описывая этапы обнаружения и переработки информации, он прямо выражает эту мысль: Не следует забывать, что путь информации, показанный на рисунке, как и на других схемах данной книги, — это репрезентация; в данном случае — репрезентация гипотетических этапов обработки информации. Не надо думать, что мозг устроен более или менее так, как здесь изображено. Просто эта модель, как и многие последующие, удобна в качестве наглядного представления различных этапов обработки информации, постулируемых в когнитивной психологии.⁷

Несмотря на то, что такие модели не существуют в действительности, их построение имеет смысл: они позволяют испытывать конкретные гипотезы и предсказывать результаты таких испытаний. Подобным же образом рассуждает Э. Ортони с соавторами при построении когнитивной теории эмоций:

Большая часть того, что делают люди, чем-то мотивирована. Люди редко предпринимают случайные действия, лишённые целей и не ведущие к результатам. В некотором смысле у людей поэтому должна быть структура целей, интересов и убеждений, лежащих в основе их поведения... Однако неразумно предполагать, что такая структура является хранилищем, в котором постоянно представлено все, к чему стремится человек или во что человек верит, — от самого общего до самого конкретного. Кажется, скорее, более разумно рассматривать ее как подразумеваемую или "виртуальную" структуру. Люди ведут себя так, как если бы такие представления существовали.⁸

Еще более категорично в вопросе о реальности гипотетических конструктов высказывается Х. Хекхаузен. Обсуждая объяснительную ценность понятия "мотив", он пишет:

В действительности никаких мотивов не существует. ...Они суть условные, облегчающие понимание, вспомогательные конструкты нашего мышления, или, говоря языком эмпиризма, гипотетические конструкты. Гипотетический конструкт есть условная, по Толмену, — "промежуточная", переменная, которая может вставляться в схему объяснения действия между исходными наблюдаемыми обстоятельствами ситуации и последующими наблюдаемыми явлениями в самом поведении.

⁵ Цит. по: Указ. соч. С. 335.

⁶ Солсо Р. Когнитивная психология. М, 19%. С. 44.

⁷ Там же. С. 54.

⁸ Ортони А, КаоурДж., Коллинз А. Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект. М. 1996. С. 353-354.

Гипотетический конструкт нельзя выдумать и произвольно поместить в мир. Если мы хотим использовать понятие "мотив" в качестве гипотетического конструкта, то сначала должны установить, при каких специфических исходных условиях срабатывает мотив, а затем определить, какие из наблюдаемых после этого эффектов произведены именно мотивами.⁹

В приведенных примерах отчетливо видны вариации антиреал истского решения вопроса о реальности психических явлений — от последовательного антиреализма (вводимые исследователями теоретические сущности являются фикциями, логическими построениями или частью интеллектуального аппарата, привлекаемого для описания поведения человека) до его менее догматичного варианта (эти сущности могут существовать, но нам не нужно предполагать это, чтобы понимать поведение человека). Общим является положение о несуществовании психических явлений как реальности, изучаемой психологической наукой — поскольку психика не является причиной наблюдаемого поведения.

Как отмечает Я. Хакинг, целесообразно различать реализм в общем и реализм в частном.¹⁰ Реализм в общем утверждает существование ненаблюдаемой теоретической реальности в целом (например, атомы или гены), которая объясняет появление тех или иных наблюдаемых феноменов. Реализм в частном утверждает существование некоторых конкретных объектов в рамках более общей онтологической картины. Соответственно, можно занимать реалистскую позицию в общем и антиреалистскую позицию в частном — например, признавать атомно-молекулярные представления в химии в целом, но отрицать существование конкретного вещества, участвующего в той или иной химической реакции. В психологии таким примером могут служить представления, развиваемые в школе С.Л. Рубинштейна, — согласно которым, существует некоторая единая психическая деятельность, но не существуют отдельные психические процессы, такие как восприятие, мышление, эмоции и т.п. В соответствии с этим положением Л.В. Брушлинский вводит различие дизъюнктивного и недизъюнктивного способа теоретического мышления:

Онтологической предпосылкой первого способа мышления является рассмотренный тип объективных взаимосвязей между разными сторонами объекта, характеризующийся тем, что эти стороны изначально и неразрывно взаимосвязаны и как бы взаимопроникают друг в друга. Так, психологу очень часто, если не всегда, необходимо исходить из следующего положения: "различная интеллектуальная, эмоциональная и волевые процессы, мы не устанавливаем этим никакого дизъюнктивного деления" [С.Л. Рубинштейн], поскольку всякий конкретный психический акт представляет собой единство познавательных и аффективных (эмоционально-волевых) процессов. Соответственно этому анализируемый здесь первый способ мышления, использующий первый уровень абстракции, будем называть недизъюнктивным. И наоборот, второй способ мышления, использующий второй уровень абстракции и основанный на другой онтологической предпосылке, обозначим как дизъюнктивный. В качестве такой предпосылки здесь выступает вышеупомянутый вид взаимосвязей между компонентами объектов, при котором они изначально и четко отделены друг от друга.¹¹

...недизъюнктивность, непрерывность взаимосвязей мышления и восприятия, мышления и памяти, мышления и чувств и т.д. означает, что все эти психические процессы онтологически вообще не существуют как отдельные, самостоятельные, обособленные акты. Они представляют собой только мысленно, в абстракции выделенные стороны единой, нераздельной психической деятельности. Тем не менее многие авторы пытаются онтологически отделить их друг от друга, рассматривая их в качестве дизъюнктивных факторов.¹²

⁹ ХсюаунХ. Мотивация и деятельность Т 1. М, 1986. С. 37-38. ¹⁰ См.: ХакингЯ. Представление и вмешательство. М., 1998. С. 43-44.

¹¹ БрушлинскийЛ АЛ. Мышление и прогнозирование //Брушлинский АЛ. Субъект: мышление, учение, воображение. М -Воронеж, 1996. С. 114. ¹² Там же. С. 179.

Позиция реализма в психологии, утверждающая существование особой психической реальности и ее роль в регуляции поведения человека, сталкивается с проблемой способа бытия этой реальности — как существует психическая реальность, как она соотносится с другими видами реальности? (Постановка последнего вопроса характерна, например, для школы С.Л. Рубинштейна: каково место психики во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира?) Обычно психику связывают с деятельностью мозга — однако конкретного наполнения этот тезис не получает. Несмотря на успехи в изучении мозговой локализации психических функций (выделение зон мозга, активность которых порождает те или иные психические функции; перераспределение активности в случае поражения этих зон, влекущее за собой полное или частичное восстановление психических функций), до сих пор неизвестно, каким же образом деятельность мозга связана с психическими явлениями.

Проблема способа бытия реальности, изучаемой в социально-гуманитарных науках, решается в теории социальных эстафет, предложенной М.А. Розовым. Мы будем использовать представления теории социальных эстафет для решения вопроса о способе бытия реальности, изучаемой в психологической науке.

Теория социальных эстафет как основа онтологии для психологии

Как отмечает М.А. Розов, теория социальных эстафет предлагает единую онтологию для всех социальных явлений, подобно тому как атомно-молекулярные представления о строении вещества или представления о генах задают онтологию в естественных науках.¹ По мысли М.А. Розова, способ существования любого социального явления — это некоторая социальная эстафета; онтология социальной реальности — это мир социальных эстафет, мир воспроизведения деятельности по непосредственно демонстрируемым образцам:

Человек живет в мире социальных образцов, задающих ему основные траектории его поведения. Наиболее очевидный и в то же время красноречивый факт — это наша речевая деятельность, навыки которой передаются от поколения к поколению не через посредство

грамматик и словарей, а на уровне демонстрации непосредственных образцов. Это значит, что каждый речевой акт независимо от воли говорящего выполняет по крайней мере две функции: функцию коммуникации и функцию образца, обеспечивающего воспроизведение аналогичных актов.

Но речевая деятельность ничем в этом плане не отличается от любой другой. Все, что делает человек, любой акт его поведения, если он находится в поле зрения окружающих, влияет или способен влиять на них двояким образом: во-первых, своими конечными результатами в виде каких-то изменений среды, а во-вторых — в целом как опыт, как образец для воспроизведения. Это в равной степени относится и к производству, и к науке, и к сфере повседневной жизни, и к политике, и к искусству. Последовательное воспроизведение образцов образует социальную эстафету, которая наподобие волны несет социальную информацию от человека к человеку, от поколения к поколению.¹⁴

Характерной особенностью социальных эстафет является их независимость от материала, на котором они "живут". Так, эстафета употребления слов реализуется все новыми и новыми ее участниками-людьми, во все новых и новых ситуациях, на все новых и новых объектах, обозначаемых некоторым словом. В этом плане она напоминает волну — свойства волны действительно не зависят от той среды, в которой она распространяется (так, электрические и механические колебания описываются одними и теми же уравнениями). Вместе с тем социальные эстафеты, как и волны, обладают избирательностью — они реализуются на определенном материале: океанские волны не распространяются вглубь континента, а слово

¹³ См.: Розов М.А. Научное знание и механизмы социальной памяти: Научный доклад... д. филос. н. М., 1990. С. 8; Розов М.А. О соотношении естественнонаучного и гуманитарного познания (проблема методологического изоморфизма) // Науковедение. 2000. № 4. С. Д56=ГЗТ 'VI- ЫС

" Розов М.Л. Прошлое как ценность//Путь. 1992. № 1. С. 141-142.

"лампа" не применяется для обозначения деревьев или самолетов. Множество объектов и ситуаций, на которых "живет" социальная эстафета, составляет ее поле реализации.

Представление о человеке как о носителе множества эстафет позволяет справиться со следующей трудностью: наблюдая одно отдельно взятое действие, невозможно определить, какой именно образец был воспроизведен, и каким образом он будет воспроизведен в дальнейшем. Иными словами, один отдельно взятый образец не задает четкого поля реализации. М.А. Розов анализирует в связи с этим пример Н.И. Жинкина. Ребенку показывают на яблоко и говорят: "Это — яблоко". После этого ребенок называет яблоком красный карандаш, яйцо, белый лист бумаги... Он действует абсолютно правильно, называя словом "яблоко" все, что похоже на яблоко: карандаш — по цвету, яйцо — по форме. /Дальше сходство размывается, и оказывается, что "яблоком" можно назвать решительно все — потому что любой предмет похож в некотором отношении на любой другой предмет. В отличие от ребенка у взрослого уже есть образцы именованного цвета, формы, других свойств объекта. Допустим, взрослому указывают на предмет, стоящий на столе, и называют его астроябией. Почему "астроябия" — это название прибора, а не обозначение цвета, или материала, или расстояния от пола до поверхности стола? В силу наличия образцов обозначения цвета, материала, других физических, биологических, химических свойств объектов.

Таким образом, некоторый образец сам по себе, вне контекста, представляет собой нечто неопределенное. Он может задать определенное поле реализации только в контексте других образцов. Это значит, что изолированных эстафет не существует — каждый человек является участником не одной, а сразу большого числа эстафет, он имеет в поле зрения сразу много образцов. Именно в таком контексте образец задает поле реализации, а эстафета становится относительно стационарной.

В свете таких представлений человек предстает как носитель воспроизводимых им эстафет, а психология — как наука, изучающая включение человека в социальные эстафеты (в общем и индивидуальном плане). Поведение человека в принципе объясняется воспроизведением соответствующих образцов, объясняется включенностью человека в соответствующие социальные эстафеты. При этом нет необходимости прибегать к представлениям о психической реальности для объяснения наблюдаемого поведения — и поэтому разного рода психические явления не существуют как реальность изучения психологической науки. Психология, основанная на теории социальных эстафет, таким образом, является реалистской в общем (поскольку утверждает существование определенной реальности — социальных эстафет — для объяснения поведения человека), но антиреалистской в частности (поскольку отрицает существование психической реальности как причины наблюдаемого поведения).

Итак, в качестве исходной реальности любого социального явления мы имеем воспроизведение непосредственных образцов поведения или деятельности — социальную эстафету. Любую эстафету можно анализировать двумя способами: 1) указать на конкретные воспроизведения ее образцов, т. е. зафиксировать ее связи с другими эстафетами, назвать их участников; 2) описать содержание передаваемой по эстафете деятельности, т. е. содержание образцов. По мысли М.А. Розова, при анализе соотношения этих двух способов описания социальной эстафеты

мы сталкиваемся... с явлением дополнителности, описанным в применении к квантовой механике Н. Бором. При характеристике эстафет или нормативных систем мы либо фиксируем содержание образцов, но тогда оно не соответствует реальным механизмам воспроизведения деятельности, либо фиксируем эти механизмы, но тогда у нас нет возможности описать образцы.¹⁵

В квантовой механике электрон сам по себе не обладает траекторией, поэтому он не имеет таких характеристик, как импульс и координата. Бессмысленно поэтому говорить, что сам по себе электрон находится в точке x или имеет скорость v — эти характеристики возникают

¹¹ Розов М.Л. Методологические особенности гуманитарного познания // Проблемы гуманитарного познания. Новосибирск, 1986. С. 53.

только при взаимодействии электрона с макроприбором. А поскольку приборы для измерения импульса и координаты несовместимы, то мы можем знать либо импульс, либо координату — но не то и другое одновременно. Такие характеристики и называются дополнительными. Важно подчеркнуть, что каждое из взаимно дополнительных описаний ситуации является полным, что речь не идет о каком-то ограничении наших способностей измерения. М.А. Розов приводит такой пример: мы иногда можем видеть только одну сторону медали и не видеть другую. Однако мы уверены, что обратная сторона существует, что ее ненаблюдаемость не означает ее несуществование. Мы можем поэтому по очереди изучить обе стороны медали и, объединив результаты, получить ее полное описание. В отличие от этого в квантовой механике ненаблюдаемость координаты при отсутствии ее измерения означает ее несуществование, и поэтому наше описание "лицевой стороны медали" (в данном случае — измерение импульса) является полным.¹⁶

В теории социальных эстафет аналогом электрона является образец, который вне контекста (аналога макроприбора) не задает поля реализации. Мы можем "подключать" к образцу только один "прибор" из двух: либо наш язык — и тогда мы получим описание содержания образца, либо другие образцы — и тогда мы зафиксируем механизм его воспроизведения. В зависимости от "прибора" мы получим две взаимно дополнительные картины реальности, каждая из которых является полной.

Сам Бор неоднократно обсуждал возможность применения принципа дополнителности в гуманитарных науках. М. А. Розов приводит такие примеры Бора:

Строго говоря, глубокий анализ любого понятия и его непосредственное применение взаимно исключают друг друга.¹⁷

...практическое применение всякого слова находится в дополнительном отношении с попытками его строгого определения.¹⁸

Действительно, практическое применение некоторого слова (скажем, "стол") — это воспроизведение имеющихся образцов его употребления; при этом мы можем только указать на эти реализации, которые достаточно разнообразны и зависят от особенностей той или иной конкретной ситуации. Попытаемся теперь проанализировать, что такое стол, т. е. описать содержание образцов:

Допустим, мы пишем: "Стол имеет горизонтальную поверхность". Строго горизонтальную или нет? Можно сказать: "Все зависит от обстоятельств". Но такой ответ означает, что мы просто отказались дать точное описание стола. Можно, однако, дать и такую

формулировку, которая заведомо удовлетворит нас при всех обстоятельствах: "Стол имеет идеально горизонтальную поверхность". Исключено.

¹⁶ Розов М.Л. Явление дополнительности в гуманитарных науках // Теория познания. Т. 4. Познание социальной реальности. М., 1995. С. 209.

¹⁷ Бор Н. Избранные научные труды. Т. 2. М., 1971. С. 58.

Интересно, что Бор дальше пишет: "В необходимости прибегнуть к дополнительному в этом смысле или, вернее, взаимному способу описания нас особенно убедили психологические проблемы". По свидетельству самого Бора, при разработке концепции дополнительности на него большое влияние оказали работы У. Джемса.

¹ Бор Н. Избранные научные труды. Т. 2. С. 398.

Выше Бор снова обсуждает вопрос о возможности применения принципа дополнительности в психологии: «Обнаружение соотношений дополнительного характера является немаловажной задачей и в психологии, где условия для анализа и синтеза переживаний очень сходны с ситуацией, имеющей место в атомной физике. Фактически использование слов вроде "мысли" и "чувства", в равной мере неизбежных для описания многообразия психических переживаний, относится к взаимоисключающим ситуациям, характеризуемым различным проведением линии, разграничивающей субъект и объект. В частности, выделение отдельного места чувству свободы воли связано с тем обстоятельством, что ситуации, в которых мы сталкиваемся со свободой воли, несовместимы с психологическими ситуациями, в которых предпринимаются обоснованные попытки причинного анализа. Другими словами, когда мы говорим слова "я хочу", мы тем самым отвергаем логическую аргументацию. В общем и целом подход к проблеме объяснения, содержащийся в понятии дополнительности, направляется сам собой в нашем положении разумных существ и очень напоминает учение древних мыслителей о том, что в поисках гармоничного отношения к жизни никогда нельзя забывать, что мы сами являемся одновременно и актерами, и зрителями драмы жизни».

I

чтобы кто-либо в той или иной ситуации забраковал стол на том основании, что он слишком горизонтален. Вот мы и решили задачу точного описания, беда только в том, что мы теперь не можем продемонстрировать ни одного реального образца номинации "это — стол", ибо описанных столов просто не существует.¹⁹

Из принципа дополнительности прямо вытекает следующее положение: описание содержания деятельности или поведения не может служить механизмом этого поведения. Как нам представляется, именно таким образом можно эксплицировать позицию антиреализма в психологии — ведь все приводимые выше примеры гипотетических конструктов, как нетрудно убедиться, представляли собой описание содержания некоторой деятельности или поведения. В полном соответствии с принципом дополнительности антиреалистская позиция отрицает, что подобного рода конструкты являются причиной наблюдаемого поведения. Соответственно, реалистские концепции не учитывают принципа дополнительности и с неизбежностью сталкиваются с трудностями, ибо постулируемые существующими гипотетическими конструктами ничего не добавляют к описанию деятельности или поведения, а тем самым никак не объясняют это поведение. С таких же позиций Б.Ф. Скиннер критиковал различного рода психические сущности, предлагаемые для объяснения поведения:

...мы можем сказать, что понятие "быть голодным" используется для обозначения события, предшествующего еде (прошло несколько часов после последнего принятия пищи), и что "быть голодным" — причина еды. В этом смысле "быть голодным" может определяться как каузальная связь между пищевой депривацией и поведением в ресторане. Тогда возникает проблема, как определить эту каузальную связь и какие свойства ей приписать.

...при внимательном взгляде оказывается, что у этих событий нет никаких определенных свойств, кроме способности продуцировать то поведение, которое они объясняют. Тот же тип объяснения существовал у первобытных людей, полагавших движение солнца силой, контролирующей людей, тогда как единственным свидетельством существования этой контролирующей силы было само движение солнца. Контролирующую силу можно выдумать для объяснения любого мыслимого события. Пустоту такого типа объяснений проще всего обнаружить, задавшись вопросом о том, насколько увереннее можно предсказать эффект теперь, когда мы изолировали причину. Тогда оказывается, что нет никакой изоляции, что причина неотделима от следствия, поскольку у причины нет никаких свойств, кроме как производить следствие.²⁰

.. Скиннер использует термины подобные "жажде" просто как удобное вербальное средство, обретающее смысл благодаря своей способности заключать отношение между группами независимых и зависимых переменных — и никакого другого смысла этот термин не имеет. Скиннер не приписывал жажде каузального статуса: каузальный статус приписывается операциям, которые завершаются питьевым поведением. Важно отметить, что в отличие от других теоретиков подкрепления, Скиннер не считает драйв стимулом определенного вида.

Есть и другие термины, к которым можно отнести так же, как к "драйву", поскольку они используются для связывания группы независимых и зависимых переменных. Эти термины относятся к области эмоций. Скиннер не различает драйвы и эмоции, использует эти термины и относится к ним одинаково. Рассмотрим пример: злой человек. Мы знаем о том, что он злой, не потому, что забрались в его сознание или потому, что наблюдали, как определенные железы выделяли определенные вещества. Нет, мы отметили, что такой человек проявляет особые поведенческие характеристики. Суровое выражение лица, отрывистая речь, предрасположенность к агрессивному поведению и т.д. Точно так же мы узнаем, что

Разов М.Л. О соотношении естественнонаучного и гуманитарного познания (проблема методологического изоморфизма)//Науковедение. 2000. №4. С. 158.

Холя К., ЛындсейГ. Теории личности. М., 1997. С. 622.

л

человек напуган, потому что он запинаяется, вздрагивает, напряжен и демонстрирует реакции ухода.²¹

Такая же аргументация проходит и в случае полагания резного рода неосознаваемых процессов и явлений в качестве причины наблюдаемого поведения. Рассмотрим здесь классический пример З. Фрейда: на открытии собрания председатель говорит: "Объявляю наше заседание закрытым". Согласно Фрейду, такая оговорка объясняется существованием неосознаваемого желания председателя побыстрее завершить заседание. Председатель действительно не осознавал это стремление — ведь оно стало фактом его сознания только после того, как психоаналитик дал такую интерпретацию оговорки. Однако далее следует очень сильное допущение — что существует особая реальность (бессознательное), и именно в этой реальности существовало стремление председателя до того, как психоаналитик описал его в явном виде. Как отмечает В.П. Руднев:

..."существование" чего-либо в прошлом скорее задается из будущего сознанием наблюдателя, исследователя. В определенном смысле травма формируется в сознании пациента самим психоаналитиком, как говорил Фрейд — пасМгаедНсп, задним числом...

Интерпретация психоаналитика является описанием содержания деятельности (в данном случае речевой) — ив силу принципа дополнительности не может служить причиной этой деятельности. Данная ситуация аналогична той, с которой сталкиваются лингвисты и психолингвисты: речь человека подчиняется правилам грамматики — но из этого не следует, что человек строит свою речь, опираясь на эти правила. Точно так же и здесь: поведение председателя можно описать некоторым связным образом — но из этого не следует, что председатель строит свое поведение, опираясь на это описание, причем не осознавая это. Другое дело, что, будучи сформулированным в явном виде, это описание может быть использовано для изменения поведения — что и происходит в случае успешного применения психоанализа (заметим в скобках — как и любой другой психотерапевтической техники²³). При этом для понимания механизма такого изменения неважно, кто описывает поведение человека — он сам или психоаналитик/психотерапевт. (Отметим здесь, что большинство примеров из книги З. Фрейда "Психопатология обыденной жизни" — из жизни самого Фрейда.)

Итак, согласно теории социальных эстафет, разного рода психические явления не могут служить причиной наблюдаемого поведения или деятельности — в качестве объяснения выступает включенность человека в соответствующие социальные эстафеты. Естественно, возникает вопрос: зачем тогда нужна психика, если она не является причиной поведения?

Зачем нужна психика?

В рамках реалистической традиции решения проблемы реальности психических явлений этот вопрос является риторическим — поскольку следом идет утверждение о том, что психика нужна для регуляции поведения. Традиционный аргумент, приводимый в пользу такого утверждения, состоит в следующем: в противном случае психика (или отдельные психические процессы) превращается в эпифеномен, ничего не добавляющий к разворачивающемуся поведению. Вот как пишет об этом Л.С. Выготский, анализируя позицию Ж. Пиаже в отношении эгоцентрической речи:

По функции эгоцентрическая речь в этом случае не может быть не чем иным, как простым аккомпанементом, сопровождающим основную мелодию детской деятельности и ничего не меняющим в самой этой мелодии. Это скорее сопутствующее явление, чем явление, имеющее самостоятельное функциональное

³¹ Там же. С. 627.

Руднев В.П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста, М., 2000. С. 250. См. подробнее: Алексеев К.И. Психология и теории соц История - Идеи - Перспективы. Новосибирск, 1997. С. 164-166.

См. подробнее: Алексеев К.И. Психология и теории социальных эстафет // Теория социальных эстафет:

10

значение. Эта речь не выполняет никакой функции в поведении и мышлении ребенка.²⁴

6 противоположность такой позиции Л.С. Выготский утверждает значимую роль эгоцентрической речи в регуляции поведения и ее дальнейшее перерастание во внутреннюю речь:

Функция эгоцентрической речи представляется нам в свете наших экспериментов родственной функции внутренней речи: это менее всего аккомпанемент, это самостоятельная мелодия, самостоятельная функция, служащая целям умственной ориентировки, осознания, преодоления затруднений и препятствий, соображения и мышления, это речь ля себя, обслуживающая самым интимным образом мышление ребенка. ... С точки зрения нашей гипотезы эгоцентрическая речь представляет собой речь внутреннюю по психической функции и внешнюю по структуре. Ее судьба — перерастание во внутреннюю речь.

Представление об интериоризации, т.е. переносе первоначально внешних процессов (в данном случае — речи) во внутренний план, было применено А.Н. Леонтьевым к анализу деятельности:

Интериоризацией называют, как известно, переход, в результате которого внешние по своей форме процессы с внешними же, вещественными предметами преобразуются в процессы, протекающие в умственном плане, в плане сознания; при этом они подвергаются специфической трансформации — обобщаются, вербализуются, сокращаются и, главное, становятся способными к дальнейшему развитию, которое переходит границы возможностей внешней деятельности.²⁶

Согласно А.Н. Леонтьеву, внутренняя деятельность возникает в результате интериоризации внешней деятельности, переносе ее во внутренний план — при этом внутренний план, сознание, не является заранее предсуществующим, а формирующимся в процессе интериоризации. Внешняя и внутренняя деятельность имеют одинаковое строение, что делает возможным взаимопереходы внешней деятельности во внутреннюю и обратно:

...единение разных по своей форме процессов деятельности уже не может быть интерпретировано как результат только тех переходов, которые описываются термином интериоризации внешней деятельности. Оно необходимо предполагает существование постоянно происходящих переходов также и в противоположном направлении, от внутренней к внешней деятельности.

...взаимопереходы, о которых идет речь, образуют важнейшее движение предметной человеческой деятельности в ее историческом и онтогенетическом развитии. Переходы эти возможны потому, что внешняя и внутренняя деятельность имеют одинаковое общее строение.

Открытие общности их строения представляется мне одним из важнейших открытий современной психологической науки.

Итак, внутренняя по своей форме деятельность, происходя из внешней практической деятельности, не отделяется от нее и не становится над ней, а сохраняет принципиальную и притом двустороннюю связь с ней.²⁷

В качестве характерного примера "взаимопереходов внешней и внутренней деятельности" можно привести деятельность шахматиста по расчету вариантов в той или иной позиции: его можно осуществлять, передвигая фигуры на доске. Но в условиях турнирной партии такой возможности нет, и шахматист рассчитывает варианты "в уме", передвигая фигуры во внутреннем плане. В этом случае принятое решение (сделать тот или иной ход) определяется внутренним и ненаблюдаемым, и в этом плане психическим, процессом расчета вариантов. При

²⁴ Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Психология. М., 2000. С. 479.

²⁶ Там же. С. 480.

²⁷ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

³⁷ Там же

11

этом шахматист может обосновать свой выбор, продемонстрировав затем во внешнем плане (т.е. передвигая фигуры на доске) те варианты, которые он рассчитывал "в уме".

Из изложенного следует, как нам представляется, важный вывод: внутренние процессы, которые служат причиной поведения, обязательно должны быть воспроизводимы во внешнем плане — в виде соответствующих действий или словесного описания, поскольку внешнему наблюдению доступно только поведение человека и его речь. А раз так, то нет необходимости постулировать особую реальность, стоящую за поведением и речью человека. Тот факт, что действия человека и его речь могут осуществляться во внутреннем плане, ничего принципиально не меняет в механизмах их осуществления — точно так же, как различные способы написания слова (от руки, на пишущей машинке, на мониторе компьютера, большими или маленькими буквами) ничего не меняют в смысле или значении этого слова. Точно так же смысл слова не меняется, произнеси ли его вслух или про себя.

В теории социальных эстафет пример со словом анализируется следующим образом: реализовать образец словоупотребления можно разными способами — произнести слово вслух, про себя, написать его ручкой или карандашом на бумаге, напечатать на мониторе компьютера. Эстафета словоупотребления реализуется тем самым на разном материале — но остается одной и той же эстафетой, поскольку ее свойства не зависят от этого материала. Точно так же можно проанализировать пример с действиями или речью во внутреннем плане: воспроизведение образов действий или речи не зависят от конкретного способа реализации этих образов. Осуществлены ли они во внутреннем плане или во внешнем, их механизмы остаются теми же.

Теперь мы можем ответить на вопрос: "Зачем нужна психика?" с позиции теории социальных эстафет: психика, некоторый ненаблюдаемый внутренний план, является одним из способов реализации образов деятельности и речи. При этом такой способ воспроизведения не влияет на механизм реализации этих образов. Однако подобно тому, как появление письменности, не изменив принципиально эстафеты словоупотребления, существенным образом расширило и изменило возможности человека включаться в эти эстафеты, так и наличие психики коренным образом меняет возможности человека воспроизводить образцы поведения и речи. Именно это и определяет значимость феномена психики для психологической науки — непосредственно не

являясь причиной наблюдаемого поведения, психика предоставляет свое поле для реализации соответствующих социальных эстафет поведения и речи.